

Джеймс
ДЖОЙС

*Портрет художника
в юности*

Роман

Санкт-Петербург

ГЛАВА I

Et ignotas animum dimittit in artes.

Ovid. Metamorphoses, VIII, 188¹

Давным-давно, в добрые старые времена, жила да была коровушка-буренушка и шла она по дороге все шла да шла и повстречался ей славный малыш по прозванию мальчик-зайчик...

Эту историю ему рассказывал папа: папа на него глядел через стеклышко: и у папы лицо было в волосах.

Мальчик-зайчик это был он. А буренушка шла по той дороге где жила Бетти Берн: это у кого были лимонные леденцы.

Расцветали розы
На лугу зеленом.

Он пел эту песню. Это его была песня.

Атитали ози.

Когда в постельку намочишь то тепло сперва а потом будет холодно. Мама подстилает клеенку. От нее запах такой какой-то.

От мамы он больше любил запах чем от папы. Мама на пианино играла матросский танец чтобы он плясал. Он плясал:

Тралала лала
Тралала траладушки
Тралала лала
Тралала лала.

¹ И к ремеслу незнакомому дух устремил.
Овидий. Метаморфозы, VIII, 188.

Дядя Чарльз и Дэнти прихлопывали. Они старше были чем папа и чем мама только дядя Чарльз еще старше чем Дэнти.

У Дэнти были две щетки в шкафу. Щетка что с бархатной коричневой спинкой была в честь Майкла Дэвитта, а щетка с бархатной зеленой спинкой в честь Парнелла. Дэнти ему давала всегда мятный леденец когда он ей приносил салфетку.

Вэнсы жили в номере семь. У них и папа и мама были другие. Это были папа Эйлин и мама Эйлин. Когда они вырастут большие то он женится на Эйлин. Он спрятался раз под стол, а мама говорит:

— Ну, Стивен больше не будет так, его же тогда в рай не возьмут.

А Дэнти сказала:

— И прилетят коршуны, ему глаза расклюют.

Глаза расклюют,
В рай не возьмут.
В рай не возьмут,
Глаза расклюют.

В рай не возьмут,
Глаза расклюют.
Глаза расклюют,
В рай не возьмут.

* * *

Площадки для спорта были просторные, и на них роем толпились мальчики. Все кричали, а старосты их подбадривали еще более громкими криками. Вечереющий воздух был бледным и прохладным. После каждого прорыва и удара по воротам в сумеречном свете словно грузная птица пролетал грязный кожаный шар. Он топтался в хвосте своей команды, подальше от глаз старосты, подальше от буйных бутс, и время от времени делал вид, что бежит. Он чувствовал свое тело слабым

и маленьким в гуще игроков, а глаза его плохо видели и слезились. Вот Роди Кикем, он не такой, все мальчишки говорили, он будет капитаном команды третьего класса.

Роди Кикем отличный парень, а Крыса Роуч, тот вредина. Роди Кикем в своем шкафчике держит наколенники, а в столовой у него корзинка с запасами. У Крысы Роуча здоровенные руки. Он назвал пятничный пудинг собака-в-тряпке. А еще он как-то раз спросил:

— Как тебя зовут?

Стивен ответил:

— Стивен Дедал.

Тогда Крыса Роуч опять спросил:

— Это еще что такое за имя?

А Стивен не нашелся ему ответить, и тогда он снова спросил:

— Твой отец кто?

Стивен ответил:

— Он джентльмен.

И Крыса Роуч тогда опять спросил:

— Он что, мировой судья?

Он переступал с места на место в хвосте своей команды, иногда понемножку перебегал. Но руки у него уже от холода посинели. Он держал их в боковых карманах своей серой курточки на ремне. Ремень это что вокруг курточки. А еще ремень это угостить ремнем. Один мальчик сказал как-то Кэнтуэллу:

— Я вот тебя угощу ремнем.

А Кэнтуэлл ответил:

— Ступай подальше. Ты вон Сесила Сандера угости. А он тебе хороший пинок под задницу.

Так говорить это некрасиво. Мама наказывала ему, чтобы он в колледже не разговаривал с грубыми мальчишками. Какая мама хорошая! В самый первый день,

когда они в вестибюле замка прощались, она сложила наполовину свою вуаль и подняла до носа, чтобы его поцеловать: и у нее и нос и глаза были красные. Но он притворился, будто не замечает, что она вот-вот расплачется. Мама очень красивая, но когда плачет, не такая красивая. А папа дал ему две монеты по пять шиллингов на карманные расходы. И еще сказал, если только он что-нибудь захочет, пусть напишет ему домой, и чтобы он никогда и ни за что не ябедничал на товарищей. И потом у ворот замка ректор пожал руки папе и маме, и у него сутана трепыхалась по ветру, и кеб тронул и покатил, и папа с мамой сидели там в кебе. И они из кеба замахали ему руками и закричали:

— Прощай, Стивен, прощай!

— Прощай, Стивен, прощай!

Он оказался в центре свалки вокруг мяча и, боясь горящих глаз, грязных ботс, согнулся и стал смотреть сквозь ноги. Мальчики боролись, пыхтели, а их ноги топали, брыкались, толкались. Потом желтая бутса Джека Лоутона наподдала мяч, и все остальные ботсы и ноги рванули следом. Он пробежал за ними немного и стал. Бежать это же было без толку. Скоро уже все поедут на праздники по домам. После ужина он в классной заменит число семьдесят семь, наклеенное у него внутри парты, на семьдесят шесть.

В классной-то лучше чем сейчас тут на холоде. Небо тоже было холодное и еще бледно-светлое, но в замке зажигали уже огни. Он начал думать, из какого окна Гамильтон Роуэн бросил свою шляпу на изгородь и были ли в то время уже цветочные клумбы под окнами. Однажды, когда его вызвали в замок, ему служитель там показал выбоины в двери от солдатских пуль и дал сладкого сухарика, такого как монахи едят. От вида огней в замке делалось тепло и уютно, выглядело как картинка в книге. Наверно, Лестерское аббатство так выглядело.

В этом учебнике Доктора Корнуэлла вообще предложения красивые. Они как стихи, хотя на самом деле они только примеры на правописание.

Уолси умер в Лестерском аббатстве,
Он был погребен аббатами.
Пол покрывают лаком.
Звери болеют раком.

Как бы сейчас хорошо лежать на коврике перед камином, голову положить на руки и думать про эти предложения. Он вдруг поежился, как будто холодная липкая вода попала на тело. Это же подло было, что Уэллс его столкнул в желоб в уборной, раз он не стал меняться своей табакерочкой на его битку, на сорокаразовый каштан-чемпион. Какая холодная, липкая вода была! Один мальчик видел, как в эту жижу здоровая крыса плюхнулась. Мама с Дэнти сидели у камина и поджидали, когда Бриджет принесет чай. Мама ноги поставила на решетку и ее туфельки домашние расшитые так нагрелись, от них шел такой теплый приятный дух. Дэнти много знала всяких вещей. Она его учила, где Мозамбикский пролив, какая самая длинная река в Америке и как называется самая высокая гора на Луне. Отец Арнолл знал еще больше, чем Дэнти, потому что он же священник, но все равно и отец и дядя Чарльз говорили, что Дэнти умная и начитанная женщина. А Дэнти когда после обеда делает такой звук и потом руку ко рту, то это называется изжога.

С дальнего конца спортплощадки голос крикнул:

— Все домой!

И другие голоса, из младших и средних классов, тоже подхватили:

— Домой! Все домой!

Мальчики собрались вместе, раскрасневшиеся и грязные, и он зашагал с ними, радуясь возвращению.

Роди Кикем нес мяч, держа за скользкую шнуровку. Один из мальчиков предложил еще наподдать разок, но он шел себе, даже не ответил. Саймон Мунен сказал, что лучше не надо, потому что староста смотрит. А тот мальчик повернулся к Саймону Мунену и сказал:

— Да все знают, почему ты так говоришь. Ты же у Макглэйда подлиза.

Какое-то чудное слово подлиза. Тот мальчик обозвал так Саймона Мунена, потому что Саймон Мунен у старосты иногда связывал за спиной фальшивые рукава, а староста делал вид, что сердится. Только звук противный у слова. Один раз он мыл руки в гостинице на Уиклоу-стрит, а когда вымыл, папа за цепочку вынул пробку из умывальника, и вода грязная полилась через дырку, и когда постепенно вся стекла, то из дырки был в конце такой звук: дллизс. Только громче.

Когда он это вспомнил, и вспомнил, как всё было белое в уборной, ему стало от этого холодно, а потом жарко. Там было два крана, их повернешь, и вода идет, холодная и горячая. И ему стало сперва холодно, а после немножко горячо, и он как будто увидел надписи на тех кранах. Очень чудно это как-то было.

От воздуха в коридоре ему было тоже зябко. Воздух был сыроватый и сам чудной. Но скоро газ зажгут, а когда он горит, слышится тихий звук, как песенка. Одна и та же всегда, и как только замолчат в рекреационной, ее всегда слышно.

Сейчас была арифметика. Отец Арнолл написал на доске трудный пример и сказал:

— Ну-ка, кто победит? Давай-ка, Йорк, давай, Ланкастер!

Стивен старался очень, но пример был слишком трудный, и он скоро сбился. Шелковый бантик с белой розой, приколотый к его куртке на груди, начал дрожать. Арифметика шла у него неважно, но он очень старал-

ся, так чтобы Йорки не проиграли. Отец Арнолл сделал ужасно нахмуренное лицо, но это он не сердился, он смеялся. Тут Джек Лоутон шелкнул пальцами, а отец Арнолл посмотрел его тетрадь и сказал:

— Все правильно. Bravo, Ланкастер! Алая роза победила. Давай-ка, Йорк, догоняй!

Джек Лоутон поглядел из своего лагеря в его сторону. Он был в синей матроске, и шелковый бантик с алой розой смотрелся на ней очень красиво. Стивен почувствовал, как его лицо стало тоже алым, когда он подумал про все эти пари, кто будет первым учеником, Джек Лоутон или же он. В какие-то недели Джек Лоутон получал билет первого, а в какие-то он. Он услышал голос отца Арнолла и стал решать следующий пример, а белый шелковый бантик у него все дрожал и дрожал. Но тут как-то вдруг все старание его прошло, и он почувствовал, что лицо у него уже холодное. Он подумал, что, наверно, его лицо теперь белое, раз оно такое холодное. Пример никак не решался, но теперь ему было все равно. Белые розы и алые розы: хорошо так думать про эти цвета. И билетики за первое место, за второе и за третье тоже красивых цветов, розовый, желтый и лиловый. Про лиловые, желтые, розовые розы хорошо думать. Он вспомнил песенку о розах на зеленом лугу и подумал, что это может быть как раз про такие розы. А вот зеленых роз не бывает. А может где-то на свете они и есть.

Прозвенел звонок. Все классы начали выходить шеренгой из своих комнат и по коридорам потянулись в столовую. Он сидел, уставившись на два кубика масла у себя на тарелке, но не мог есть влажный хлеб. И скатерть была мягкая, влажная. Но он все-таки проглотил жидкий горячий чай, который плеснул в его чашку неуклюжий раздатчик в белом фартуке. Он подумал, что, может быть, фартук у раздатчика тоже влажный и вообще белые вещи все холодные и влажные. Крыса Роуч

и Сорин пили какао, которое им присылали из дома в жестяных коробках. Они говорили, что не могут пить этот чай, он такой как помои. А про них говорили, что их отцы — мировые судьи.

Все мальчики казались ему очень странными. Все были по-разному одеты, с разными голосами, у всех были свои папы и мамы. Ему больше всего хотелось бы оказаться дома, положить голову маме на колени. Но так было невозможно, и он хотел, чтобы хотя бы поскорей кончились уроки, игры, молитвы, и он бы лежал в постели.

Он проглотил еще чашку чаю, а Флеминг спросил:

— Что с тобой такое? У тебя что-нибудь болит?

— Не знаю, — отвечал Стивен.

— Ты бледный весь, — сказал Флеминг. — Наверно, пузо болит. Ничего, пройдет.

— Конечно, пройдет, — согласился Стивен.

Но там ничего не болело у него. Он подумал, что у него болит в сердце, если только там может болеть. Какой Флеминг добрый, что так спросил. Ему захотелось плакать. Он поставил локти на стол и начал зажимать и снова открывать уши. Всякий раз, как он открывал их, ему снова слышался шум столовой. Это было похоже на гулкий шум от поезда ночью. А когда он зажимал уши, гулкий шум стихал, как будто поезд входил в туннель. В ту ночь в Долки вот так шумело от поезда, а потом, как поезд вошел в туннель, шум затих. Он закрыл глаза и поезд пошел, зашумел, а потом затих, и опять зашумел — затих. Было хорошо слушать, как он зашумит — затихнет, потом снова выйдет из туннеля зашумит потом стихнет.

Потом старшие мальчики начали выходить из столовой по дорожке, лежавшей посреди зала, Падди Рэт, и Джимми Маги, и испанец, которому разрешалось курить сигары, и маленький португалец в шерстяном бе-

рете. Потом столы средних классов и потом третьего класса. И у каждого-каждого мальчика была своя, другая походка.

Он сидел в уголку рекреационной и делал вид, что следит за партией в домино, и один-два раза у него получилось услышать песенку газа. Староста и несколько мальчиков стояли у двери, и Саймон Мунен связывал фальшивые рукава у старосты. Тот рассказывал им что-то про Туллабег.

Потом староста отошел от двери, а Уэллс подошел к Стивену и сказал:

— Скажи-ка, Дедал, ты целуешь свою маму перед тем как лечь спать?

И Стивен ответил:

— Да.

Уэллс обернулся к другим и сказал:

— Надо же, этот малый говорит, он целует каждый день свою мамочку перед тем как лечь спать.

Мальчики перестали играть, все повернулись к нему и засмеялись. Стивен сразу покраснел под их взглядами и сказал:

— Нет, я не целую.

А Уэллс сказал:

— Надо же, этот малый говорит, он не целует мамочку перед тем как лечь спать.

И они снова все засмеялись. Стивен пытался тоже засмеяться со всеми. Он почувствовал, как ему сразу стало жарко и неудобно во всем теле. Как же тут правильно ответить? Он ответил и так, и так, а Уэллс все равно смеялся. Уэллс-то знает, как правильно, он уже в последнем из младших классов. Он попробовал представить себе мать Уэллса, но не решился посмотреть на его лицо. Лицо Уэллса ему не нравилось. Это ведь Уэллс его столкнул накануне в жолоб в уборной за то, что он не стал меняться своей табакерочкой на его битку, на

сорокаразовый каштан-чемпион. Это подло было так делать, все мальчишки так сказали. А какая холодная, липкая вода была! И один мальчик видел, как в эту жижу здоровая крыса раз! — и плюхнулась.

Липкий холод покрыл все его тело, и когда прозвенел звонок на занятия и все классы стали выходить в шеренгу из рекреационных, он почувствовал, как холодный воздух из коридора и с лестницы забирается ему под одежду. Он все еще старался думать про то, как же ответить правильно. Целовать маму — хорошо это или нехорошо? А что вообще значит — целовать? Поднимаешь вот так лицо, сказать маме спокойной ночи, а мама тогда свое наклоняет. Вот что такое целовать. Мама прижимала губы к его щеке, у нее губы мягкие и они на щеке оставляли влажный след и еще они чуть-чуть делали такой звук, пц. Почему это люди так делают своими лицами?

Усевшись на свое место в классной, он поднял крышку парты и заменил число семьдесят семь, наклеенное там внутри, на семьдесят шесть. Но до рождественских каникул еще долго-долго — но когда-то они все равно наступят, потому что Земля все время вращается.

Картинка с земным шаром была на первой странице учебника географии: весь в облаках большой шар. У Флеминга была коробка карандашей, и когда был однажды пустой урок, он раскрасил Землю в зеленый цвет, а облака в коричневый. И вышло как те две щетки в шкафу у Дэнти, щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла и с каштановой спинкой в честь Майкла Дэвитта. Но он Флеминга не просил, чтобы в такие цвета покрасить, Флеминг это сам так.

Он открыл географию, стал учить, но названия мест в Америке не выучивались. Хотя это всё были разные места, у которых были все эти разные названия. Они

все были в разных странах, а страны на материках, а материки на Земле, а Земля во Вселенной.

Он пролистал до первой страницы и перечел, что он раньше там написал: себя, свою фамилию и где он находится.

Стивен Дедал
Приготовительный класс
Колледж Клонгоуз-Вуд
Сэллинз
Графство Килдер
Ирландия
Европа
Вселенная

Это было написано его рукой, а на противоположной странице Флеминг однажды вечером ради шутки написал:

Стивен Дедал я зовусь,
Мой народ — ирландский.
Я в Клонгоузе учусь,
А когда-нибудь буду в кущах райских.

Он прочел эти стихи задом наперед, но тогда получались не стихи. Потом он перечел всю первую страницу снизу вверх, пока не дошел опять до своей фамилии. Это вот он — и он еще раз перечел всю страницу. А что дальше за Вселенной? Ничего. Но может что-нибудь было вокруг Вселенной, чтоб показать, где она кончается перед тем как начнется место где ничего? Не стена, конечно, но ведь может же быть какая-то тонкая-тонкая линия вокруг всего. Это что-то очень огромное, если попробуешь помыслить все и всюду. Только Бог может такое. Он хотел подумать, какая это огромная должна быть мысль, но мог только подумать о Боге. Бог это было имя Бога, вот как его имя Стивен. По-французски Бог будет *Dieu*, и это тоже имя Бога, так что если

кто-то молится Богу и скажет *Dieu*, Бог знает сразу, что это француз молится. Только хотя у Бога разные имена во всех этих разных языках в мире и хотя Бог понимает все, что бы ни говорили те кто молится на этих своих разных языках, все равно Бог всегда остается тот же самый Бог, и настоящее его имя — Бог.

От всех таких мыслей он очень устал. Ему казалось, что у него голова стала огромная. Он перевернул страницу и вяло уставился на круглую зеленую Землю, окутанную коричневыми облаками. Он начал думать, что правильно, стоять за зеленый цвет или за коричневый, потому что Дэнти однажды взяла и ножницами спорола зеленую спинку с той щетки, которая в честь Парнелла, и сказала ему, что Парнелл плохой человек. Потом он подумал, идут ли дома споры об этом. Это называлось политика. И в ней было две стороны: Дэнти была на одной стороне, а папа и мистер Кейси на другой, а вот мама и дядя Чарльз, они не были ни на какой стороне. И каждый день в газете что-то было про это.

Его расстраивало, что он не знает как следует, что такое политика, и не знает, где оканчивается Вселенная. Он почувствовал себя слабым, маленьким. Когда еще он станет таким как мальчики из Поэзии и Риторики? У них голоса взрослые, башмаки большие, они проходят тригонометрию. Это так еще всё нескоро. Сначала будут каникулы, потом следующее полугодие, а потом еще каникулы и еще полугодие и еще одни каникулы. Это как поезд, который то в туннель, то наружу, или еще как шум в столовой, когда закрываешь и открываешь уши. Учеба — каникулы; в туннель — наружу; шум — тихо. Как нескоро еще! Хорошо бы скорей в постель и спать. Осталась только молитва в часовне, а потом спать. Ему стало зябко, и он зевнул. Как приятно в постели, когда уже простыни согрелись. А сперва, когда забираешься, они до того холодные. Ему опять ста-

ло зябко, когда он представил, какие они холодные. Но они потом нагреваются, и ты спишь. Чувствовать усталость было приятно. Он снова зевнул. Молитвы вечерние, и в постель; ему стало зябко и захотелось зевать. Скоро станет приятно. Он почувствовал, как от зябких холодных простынь идет струйкой тепло, все теплей, теплей, пока ему не стало всему тепло, совсем-совсем тепло; совсем тепло и все-таки немного зябко и все хотелось зевать.

Прозвенел звонок на вечернюю молитву, и он в шеренге следом за другими вышел из класса и пошел вниз по лестнице, а потом по коридорам в часовню. Свет в коридорах был темноватый, и в часовне был темноватый свет. Скоро везде будет темно и все заснут. Воздух в часовне был холодный, ночной, и мрамор был такого цвета как море ночью. Море и днем и ночью холодное, только ночью оно еще холодней. У мола, что возле дома у них, холодно и темно. Но на огне зато котелок, варить пунш.

Чтец читал молитвы над головой у него, а его память знала уже их все:

Господи, отверзи уста наши
И возвестят уста наши хвалу Тебе.
Снизойди, Господи, к нам на помощь
И подай нам скорое Твое утешение!

В часовне стоял холодный ночной запах. Но это святой был запах, не такой как от старых крестьян, что приходили к воскресной службе и проводили ее всю на коленях, в задних рядах. От них пахло улицей и дождем и торфом и толстой материей. Но они очень были святые, эти крестьяне. Они дышали ему в затылок и всё вздыхали, когда молились. Один мальчик сказал, они живут в Клейне, там маленькие домики, и когда по пути из Сэллинса кебы проезжали мимо, то Стивен од-

нажды видел, как женщина с малышом на руках стояла в дверях такого домика. Как бы хорошо было переночевать в таком домике одну ночь, когда горит и дымится торф в очаге, и от очага темноватый свет, и в теплых потемках крестьянский запах, улицы и дождя и торфа и толстой материи. Но только как там на дороге темно, среди деревьев! Сразу заблудишься в темноте. Он представил это, и ему стало страшно.

Он услышал голос чтеца, читающий заключительную молитву. Он стал тоже ее читать, чтобы одолеть темноту там под деревьями снаружи.

Молим Тя, Господи, посети обитель сию и избави ее от всех козней лукавого. Да пребудут в ней ангелы святые Твои, дабы охранить мир наш, и да не оставит нас благодать Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Когда он раздевался в дортуаре, у него дрожали пальцы. Он велел пальцам торопиться. Ему надо было успеть раздеться, стать на колени, прочитать личные молитвы и лечь в постель до того, как притушат газ, а то иначе он может попасть в ад, когда умрет. Он скатал с ног чулки, надел поскорей ночную рубашку, дрожа, опустился на колени возле постели и начал быстро-быстро читать молитвы, всё опасаясь, что газ вот-вот потухнет. Он чувствовал, как плечи у него трясутся, когда он шептал про себя:

Господи, помилуй папу и маму и сохрани их мне!
Господи, помилуй братишек и сестреноч моих
и сохрани их мне!
Господи, помилуй Дэнти и дядю Чарльза
и сохрани их мне!

Перекрестившись, он быстро юркнул в постель и там, обернув ступни подолом рубашки, дрожа всем телом, съежился в комок между холодными белыми про-